

А. Олар

**Политическая история французской
революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А. Олар**
Политическая история французской революции / А. Олар – М.: Книга по Требованию, 2024. – 976 с.

ISBN 978-5-458-00188-5

Политическая история французской революции. Происхождение и развитие демократии и республики. (1789-1804).

ISBN 978-5-458-00188-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе автора къ русскому изданію.

Мнѣ было пріятно узнать, что образованная русская публика достаточно интересуется исторіей французской революціи, чтобы прочесть большую книгу, въ которой изложена только одна часть этой исторіи и при томъ довольно сухо.

Я желалъ бы, чтобы мои русскіе читатели не забывали, что это не вся исторія революціи, что это даже не полная политическая исторія ея, а лишь картина тѣхъ превратностей, черезъ которыя прошли республиканская и демократическая партіи во Франціи въ эпоху революціи и консулата. Даже политическую организацію Франціи въ періодъ конституціонной монархіи 1789—92 г. слѣдовало бы еще изучить подробнѣе.

Русская публика достаточно знакома съ вопросомъ объ историческомъ методѣ, чтобы мнѣ надо было развивать здѣсь то, что я говорю въ моемъ предисловіи къ французскому изданію относительно способа, какимъ я долженъ былъ примѣнять этотъ методъ. Я прибавлю однако, что лишь очень недавно во Франціи образовалась группа писателей и профессоровъ, которые стараются замѣнить въ области новѣйшей и современной исторіи старую школу, называемую ими *литературной*, — школу, видѣвшую, напримѣръ, въ исторіи французской революціи прежде всего удобный случай для назидательной проповѣди или для интереснаго разказа, — школу, которую они называютъ, быть можетъ нѣсколько претенціозно, *научною*. Настаивая на тѣхъ фактахъ, которые очевидно и несомнѣнно оказывали извѣстное вліяніе, и оставляя въ тѣни всѣ остальные, мы желали выяснить объективно главнѣйшія стороны эволюціи французскаго общества въ тотъ критическій періодъ насильствен-

наго преобразованія, который называется революціей. Если, противъ нашего желанія и незамѣтно для насъ, въ наше изложеніе проскользнули эпитеты или фразы, противорѣчащія такому взгляду, вина этого въ нашемъ первоначальномъ воспитаніи чисто литературнаго характера, — воспитаніи, отъ котораго намъ такъ трудно было отдѣлаться.

Во всякомъ случаѣ, эта книга — не партійное сочиненіе.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этой политической исторіи французской революціи я задаюсь цѣлью показать, какъ примѣнялись на практикѣ принципы Декларации Правъ въ періодъ отъ 1789 до 1804 года, какъ осуществлялись они въ учрежденіяхъ, истолковывались въ рѣчахъ, въ печати, въ дѣйствіяхъ различныхъ партій, въ тѣхъ или другихъ проявленіяхъ общественнаго мнѣнія. Всего чаще, при работкѣ новаго политическаго строя, дѣлались ссылки на слѣдующіе два изъ этихъ основныхъ принциповъ: политическую равноправность и верховную власть народа. Съ исторической точки зрѣнія, это — наиболѣе существенные принципы французской революціи; но они различно понимались и различно примѣнялись въ различные ея періоды. Разсказъ объ этихъ видоизмѣненіяхъ и составляетъ главный предметъ предлагаемой книги.

Другими словами, я хочу разсказать политическую исторію французской революціи съ точки зрѣнія происхожденія и развитія демократіи и республики.

Логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности является демократія; логическимъ послѣдствіемъ принципа верховной власти народа является республика. Оба эти послѣдствія были выведены не сразу. вмѣсто демократіи, люди 1789 года установили буржуазный порядокъ, основанный на имущественномъ цензѣ; вмѣсто республики они организовали ограниченную монархію. Только 10 августа 1792 года, путемъ признанія всеобщаго избирательнаго права, французы установили у себя демократическій строй; только 22 сентября 1792 года, уничтоживъ монархію, они установили республику. Относительно республиканской формы правленія можно сказать, что она существовала до 1804 года, т.-е. до тѣхъ поръ, пока правительство республики не было вручено императору; что же касается демократіи, то она была

упразднена еще въ 1795 году, при введеніи конституціи III года; во всякомъ случаѣ она потерпѣла тогда глубокое измѣненіе, благодаря сочетанію всеобщаго избирательнаго права съ избирательнымъ правомъ, основанномъ на цензѣ. Сначала у народа потребовали отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного буржуазнаго класса; этотъ буржуазный порядокъ характеризуетъ собою періодъ Директоріи. Затѣмъ потребовали у народа отреченія отъ своихъ правъ въ пользу одного человѣка, Наполеона Бонапарта; это былъ періодъ плебисцитарной республики, періодъ Консулата.

Такимъ образомъ исторія демократіи и республики за все время французской революціи естественно раздѣляется на четыре періода:

1) Отъ 1789 до 1792 года, происхожденіе демократіи и республики, т.-е. возникновеніе демократической и республиканской партій при господствѣ избирательнаго ценза и конституціонной монархіи.

2) Отъ 1792 до 1795 года, періодъ демократической республики.

3) Отъ 1795 до 1799 года, періодъ буржуазной республики.

4) Отъ 1799 до 1804 года, періодъ плебисцитарной республики.

Эти перемѣны въ политическомъ строѣ Франціи проявлялись во множествѣ событій, совершавшихся при очень сложныхъ обстоятельствахъ. „Мы прожили шесть столѣтій въ теченіе шести лѣтъ“, сказалъ Буасси д'Англа въ 1795 году. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ старый порядокъ не могъ быть преобразованъ мирнымъ и медленнымъ путемъ, то оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ насильственному и быстрому перевороту и произвести почти одновременно цѣлый рядъ разрушительныхъ, реформаторскихъ и созидательныхъ актовъ, которые, при нормальномъ ходѣ вещей, болѣе соотвѣтствующемъ историческому прошлому Франціи и примѣрамъ другихъ странъ, потребовали бы значительнаго числа лѣтъ. Сложность окружающихъ обстоятельствъ еще болѣе умножила и перепутала между собой это огромное число событій, совершившихся въ такое короткое время; а эта сложность обусловила тѣмъ, что французская революція одновременно съ выработкой своей внутренней организаціи должна была выдерживать непрерывную внѣшнюю войну почти со всей Европой, войну опасную, исполненную неожиданностей и быстро смѣнявшихся перипетій, а затѣмъ, кромѣ этой внѣшней войны, еще и перемежавшуюся гражданскую войну. Условія внѣшней и внутренней войны придали развитію и примѣненію принциповъ 1789 года, особенно съ 1792 года, характеръ лихорадочной торопливости, импрови-

заціи, непослѣдовательности, насилія и слабости. Попытки установленія демократической республики происходили въ обстановкѣ военного лагеря, подъ вліяніемъ побѣдъ или пораженій, среди паники, вызванной внезапнымъ нашествіемъ, или же въ порывѣ восторга послѣ совершеннаго завоеванія. Приходилось одновременно вести раціональную законодательную работу въ виду будущаго, въ виду мирнаго времени, и издавать законы эмпирическимъ путемъ въ виду настоящаго, въ виду потребностей войны. Обѣ эти цѣли перемѣшивались въ умахъ и въ дѣйствительности. Не было ни единства плана, ни однообразія въ методѣ, ни логической послѣдовательности въ различныхъ перестройкахъ политическаго зданія.

Какъ ни перепутано, однако, между собой это огромное количество событій, а также попутныхъ или шедшихъ имъ навстрѣчу обстоятельствъ, можно все-таки безъ большого труда замѣтить среди нихъ извѣстную хронологическую послѣдовательность, выдѣлить главнѣйшіе періоды, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, намѣтить общій ходъ событій. Гораздо труднѣе выбрать изъ всей этой массы фактовъ такіе, которые необходимо было бы рассказать. Если въ самой политикѣ дѣятелей революціонной эпохи не было сколько-нибудь уловимаго плана или метода, то тѣмъ труднѣе историку выработать этотъ планъ или методъ для выбора тѣхъ отдѣльныхъ штриховъ, изъ которыхъ должна составиться картина такой сложной и мѣнявшейся дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе намъ все-таки легче разобраться въ ней, чѣмъ было современникамъ, дѣйствовавшимъ въ потемкахъ, не знавшимъ грядущихъ результатовъ, дальнѣйшаго хода драмы, и (какъ, безъ сомнѣнія, это случается и съ нами теперь) считавшимъ незначительные факты важными, а важные факты не имѣвшими значенія. Правда, знаніе результатовъ еще не даетъ намъ непогрѣшимаго критерія для классификаціи событій, такъ какъ эти результаты еще не окончательные, и революція 1789 года еще продолжается до сихъ поръ, хотя подъ другой формой и при другихъ условіяхъ; но мы по крайней мѣрѣ видимъ частичные результаты, уже закончившіеся періоды и общій ходъ развитія, позволяющій намъ отдѣлить эфемерное отъ прочнаго, событія, оставившія слѣды во французской исторіи, отъ тѣхъ, которыя не имѣли никакихъ послѣдствій.

Итакъ, мы должны выдѣлить и наиболѣе освѣтить тѣ факты которые оказали очевидное и прямое вліяніе на политическую эволюцію Франціи. Къ такимъ фактамъ относятся: политическія

учрежденія, система избирательнаго ценза и монархическій режимъ, всеобщее избирательное право, конституція 1793 года, революціонное правительство, конституція III года, конституція VIII года, идейное движеніе, подготовившее, установившее и видоизмѣнявшее всѣ эти учрежденія; политическія партіи, ихъ стремленія и ихъ распри, главнѣйшія теченія общественнаго мнѣнія, перевороты въ умахъ общества, выборы, плебисциты, борьба новаго духа съ духомъ прошлаго, новыхъ силъ съ силами стараго порядка, свѣтскаго духа съ клерикальнымъ, раціональнаго принципа свободнаго изслѣдованія съ католическимъ принципомъ авторитета. Вотъ въ чемъ состояла по преимуществу политическая жизнь тогдашней Франціи.

Были и другіе факты, также имѣвшіе свое вліяніе, но уже менѣе непосредственное; таковы, на примѣръ, войны, дипломатическіе и финансовыя акты. Мы не должны терять ихъ изъ вида, но намъ достаточно знать ихъ лишь въ ихъ общихъ чертахъ и въ ихъ результатахъ. Побѣда при Вальми, извѣстіе о которой пришло въ моментъ установленія республики, облегчила это установленіе, такъ какъ повела за собою отступленіе пруссаковъ. Если вамъ будетъ извѣстно это послѣдствіе знаменитой канонады, то вы будете знать все необходимое для того, чтобы понять соответствующую часть современной политической исторіи, и мнѣ нѣтъ надобности набрасывать передъ вами картину военныхъ операцій Дюмурье. Базельскій миръ 1795 года ускорилъ во Франціи установленіе нормальнаго внутренняго порядка; и намъ достаточно будетъ знать этотъ общій результатъ, не входя въ подробности переговоровъ или статей трактата. Потеря довѣрія къ ассигнаціямъ и ажіотажъ создали матеріальныя условія и умственное настроеніе, породившія два народныхъ возстанія въ жерминаль и преріаль III года; но чтобы понять это политическое послѣдствіе, намъ нѣтъ надобности углубляться въ лабиринтъ финансовъ революціонной эпохи.

Вслѣдствіе этого я оставляю въ сторонѣ военную, дипломатическую и финансовую исторію французской революціи. Я не скрываю отъ себя, что такая абстракція можетъ показаться опасной и что я навлекаю на себя упрекъ въ извращеніи исторіи путемъ ея урѣзванія. Но всякая попытка написать исторію неизбѣжно представляетъ собою абстракцію: ретроспективное усиліе ума можетъ охватить только часть безконечной и сложной дѣйствительности. Говорить только объ одномъ періодѣ, а въ этомъ періодѣ только объ одной Франціи, при чемъ изъ всей революціи говорить

только объ одной ея политической сторонѣ есть уже абстракція. Но я старался по крайней мѣрѣ хорошо выяснитъ тѣ событія, которыя необходимы для ознакомленія съ этой политической стороной; если бы я захотѣлъ выяснитъ также и тѣ событія, которыя оказывали только косвенное вліяніе, то мнѣ пришлось бы уменьшить мѣсто и время, которыя я могъ бы посвятить необходимымъ фактамъ. Въ области исторіи нѣтъ такой книги, которой одной было бы достаточно для читателя. Моя книга, какъ и всѣ остальные, предполагаетъ и требуетъ прочтенія другихъ.

Вотъ какимъ путемъ я выбиралъ факты. Теперь нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ порядкѣ я излагалъ ихъ.

Хронологическій порядокъ являлся обязательнымъ, и я могъ строго слѣдовать ему почти во всей первой части этого труда. Дѣйствительно, по отношенію къ промежутку времени отъ 1789 до 1792 года мнѣ приходилось просто рассказывать о всѣхъ проявленіяхъ демократическихъ и республиканскихъ идей, по мѣрѣ того какъ они встрѣчались, помѣщая ихъ въ рамки сначала конституціонной монархіи, а затѣмъ буржуазнаго порядка. Но что касается остальныхъ трехъ періодовъ, демократической, буржуазной и плебисцитарной республикъ, то было бы трудно излагать одновременно въ той же самой хронологической послѣдовательности какъ исторію политическихъ учрежденій, такъ борьбу партій и всѣ метаморфозы общественнаго мнѣнія; это значило бы внести въ рассказъ ту же путаницу, какая существовала въ самой дѣйствительности, особенно въ періодъ демократической республики. Я счелъ нужнымъ излагать поочередно, одно за другимъ, каждое изъ этихъ проявленій той же самой политической жизни, какъ бы въ видѣ нѣсколькихъ параллельныхъ хронологическихъ серій. Я знаю хорошо, что колебанія общественнаго мнѣнія и видоизмѣненія политическихъ учрежденій тѣсно связаны между собою и находятся въ постоянномъ соотношеніи; поэтому я указываю на эту связь всякій разъ, когда это представляется необходимымъ. Я старался показать, что всѣ эти разнообразныя явленія отдѣлены одно отъ другого только въ моей книгѣ, а не въ дѣйствительности, что это различныя стороны одной и той же эволюціи. Въ такихъ случаяхъ я не боялся повторяться и эти повторенія, быть можетъ, исправляютъ то, что есть обманчиваго въ томъ множествѣ абстракцій, съ которымъ я вынужденъ былъ примириться, потому что это необходимое условіе, которое одно позволяетъ придать рассказу ту ясность, какой не бываетъ въ дѣйствительности, а особенно потому, что даже для того, чтобы

выяснить послѣдовательный ходъ событій, необходимо разсматривать факты не отдѣльно, а цѣлыми группами.

Если читатели не будутъ вполне удовлетворены ни моимъ методомъ, ни моимъ планомъ, то я надѣюсь по крайней мѣрѣ доставить имъ полную гарантію по отношенію къ тому, что касается документальной стороны моего сочиненія, гарантію, обусловленную самымъ характеромъ избраннаго мною предмета. Я хочу сказать, что въ данномъ случаѣ у читателя не можетъ возникнуть сомнѣній относительно того, была ли у меня матеріальная возможность познакомиться со всѣми главнѣйшими источниками. Между тѣмъ этого нельзя было бы сказать, если бы дѣло шло о другихъ предметахъ. Такъ, напримѣръ, экономическая и социальная сторона французской революціи разбросана въ такомъ количествѣ источниковъ, что въ настоящее время невозможно въ теченіе одной человѣческой жизни познакомиться со всѣми ними или даже съ главнѣйшими изъ нихъ. Тотъ, кто захотѣлъ бы одинъ написать всю эту исторію, могъ бы основательно изучить только нѣкоторыя части ея, а по отношенію къ цѣлому долженъ былъ бы удовольствоваться поверхностнымъ очеркомъ, почерпнутымъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Что касается политической исторіи, то, въ рамкахъ избранныхъ мною фактовъ, возможно и для одного человѣка, въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, перечестъ всѣ законы революціонной эпохи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, пренія, политическія рѣчи, протоколы выборовъ и біографію лицъ, игравшихъ какую-нибудь роль. Но вотъ уже немного болѣе двадцати лѣтъ, какъ я предпринялъ это чтеніе. Я началъ его въ 1879 году съ изученія рѣчей ораторовъ, а затѣмъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, читая лекціи въ Сорбоннѣ, изучалъ политическія учрежденія, политическія партіи и жизнь всѣхъ великихъ людей революціонной эпохи. Такимъ образомъ я имѣлъ необходимое время для того, чтобы изслѣдовать всѣ источники, относящіеся къ моему предмету. Хотя форма этой книги можетъ отзываться иногда импровизаціей, но мои изслѣдованія были очень медленны и, какъ я надѣюсь, въ общемъ полны. Я не думаю, чтобы я упустилъ хоть одинъ важный источникъ или высказалъ хоть одно утвержденіе, не извлеченное непосредственно изъ документовъ.

Мнѣ остается сказать объ этихъ источникахъ.

Я не перечисляю ихъ въ формѣ бібліографическаго указателя; но они всѣ упомянуты мною или въ текстѣ, или въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Теперь нѣсколько словъ о ихъ характерѣ.

Всѣ законы этой эпохи находятся въ ихъ подлинномъ, официальномъ текстѣ въ сборникѣ Бодуэна, въ Луврской коллекціи, въ *Бюллетень законовъ*, въ протоколахъ законодательныхъ собраній, а также въ отдѣльныхъ печатныхъ оттискахъ. Эти различные сборники дополняютъ другъ друга. Но они существуютъ въ видѣ столь рѣдкихъ экземпляровъ, что невозможно имѣть ихъ подъ рукою у себя дома. Вслѣдствіе этого я пользовался для повсѣдневнаго употребленія перепечаткой ихъ, сдѣланной Дювержье, удостовѣрившись предварительно путемъ огромнаго числа провѣрокъ, что эта перепечатка соотвѣтствуетъ подлинному тексту. Однако Дювержье приводитъ цѣликомъ только часть законовъ; что же касается законовъ, не находящихся у него, то я бралъ ихъ изъ перечисленныхъ мною официальныхъ источниковъ, хранящихся, за исключеніемъ сборника Бодуэна, въ Национальной библіотекѣ. Я всегда остерегался заимствовать какой-либо текстъ закона изъ газетъ, которыя всѣ, не исключая и *Moniteur'a*, воспроизводятъ ихъ неточно.

Правительственные акты, постановленія Комитета общественнаго спасенія, постановленія Исполнительной Директоріи и консуловъ, министерскія рѣшенія и пр. брались мною изъ официальныхъ текстовъ, изъ бумагъ Комитета общественнаго спасенія (обнародованіе которыхъ я заканчиваю въ настоящую минуту), изъ *Бюллетеня* Конвента, изъ бумагъ Исполнительной Директоріи (неизданныхъ, но хранящихся въ національномъ Архивѣ), изъ газеты *le Rédacteur*, органа Директоріи, изъ *Moniteur'a*, органа консульскаго правительства.

О выборахъ и народныхъ голосованіяхъ я говорю на основаніи протоколовъ, по большей части не изданныхъ, но хранящихся въ національномъ Архивѣ.

Относительно политическихъ учрежденій и текста законовъ выборъ источниковъ не представлялъ затрудненій: они намѣчались сами собою; но что касается исторіи законодательныхъ собраній, партій и общественнаго мнѣнія, то въ этомъ случаѣ выборъ становился болѣе затруднительнымъ.

При изученіи политическихъ партій и мнѣній прибѣгаютъ обыкновенно къ мемуарамъ. Но мемуары представляютъ не только то неудобство, что очень немногіе изъ нихъ могутъ быть признаны вполнѣ подлинными, а еще о меньшемъ числѣ ихъ можно сказать, что ихъ авторы ставили истину выше заботы о своемъ собственномъ оправданіи; они неудобны еще и потому,

что, написанные послѣ событій, по большей части въ эпоху Реставраціи, они страдаютъ общимъ имъ всѣмъ и очень важнымъ недостаткомъ: я имѣю въ виду искаженіе самыхъ воспоминаній, которое портитъ почти каждую ихъ страницу. Я пользовался мемуарами только въ видѣ исключенія, скорѣе съ цѣлью подтвердить, нежели опровергнуть другія свидѣтельства; а такъ какъ я никогда не пользовался мемуарами безъ указанія на источникъ, то читатель въ такихъ случаяхъ будетъ предупрежденъ, что данныя свѣдѣнія или второстепеннаго характера, или сомнительны.

Для того чтобы свидѣтельство было достойно довѣрія, недостаточно, чтобы оно исходило отъ современника: необходимо еще, чтобы оно было высказано въ тотъ самый моментъ, къ которому относится происшествіе, или очень скоро послѣ того, при полной свѣжести воспоминанія.

Такимъ образомъ я предпочиталъ мемуарамъ переписку и газеты. Сохранившихся писемъ того времени такъ немного, что я не могъ затрудняться выборомъ ихъ. Но что касается газетъ, то онѣ очень многочисленны. Я выбиралъ по преимуществу тѣ изъ нихъ, которыя пользовались видимымъ вліяніемъ и служили органомъ партіи или какой-нибудь крупной личности, какъ, напри- мѣръ, *Mercure national*, органъ нарождавшейся республиканской партіи, или *Défenseur de la Constitution*, органъ Робеспьера.

Газеты не только служили отраженіемъ общественнаго мнѣнія, — онѣ давали также отчеты о преніяхъ въ законодательныхъ собраніяхъ, при чемъ только онѣ однѣ давали эти отчеты въ детальной формѣ. Тогда еще не печаталось официальныхъ отчетовъ *in extenso* или въ сколько-нибудь подробномъ изложеніи; правда, составлялся официальный протоколъ, но до такой степени краткій и сухой, что онъ не могъ бы дать никакого представленія о происходившей парламентской борьбѣ. Я пользовался этими протоколами лишь для установленія послѣдовательности и какъ бы рамокъ преній, а затѣмъ прибѣгалъ къ отчетамъ, печатавшимся въ газетахъ, преимущественно въ *Journal des Débats et des Décrets* и въ *Moniteur*, для всей революціонной эпохи, начиная съ 1790 г.; для нѣкоторыхъ же періодовъ — къ отчетамъ, печатавшимся въ газетахъ *Point du Jour*, *Journal logographique* и *Républicain français*. Стенографіи тогда не существовало. Случалось, что журналистъ приводилъ рѣчь по манускрипту, врученному ему ораторомъ. Чаще всего онъ возстановлялъ высказанныя мнѣнія и дебаты по замѣткамъ, которыя набрасывалъ во время засѣданія. Смотри по обстоятельствамъ, я пользовался тѣми изъ этихъ отчетовъ, которые казались мнѣ болѣе